

Вернувшись домой, старик рассказал дочери о том, что увидел и услышал.

— По-моему, Синчэнь чувствует себя вполне неплохо, и с отцом у них наладились близкие отношения. Пусть поживет там какое-то время!

Услышав это, Го Пинпин до крови закусил губу и горько усмехнулась:

— Сразу видно — порода этого скота. Ладно, если он такой гордый, пусть вообще не возвращается. В конце концов, у меня и без него детей хватает.

— Ты хоть слышишь, что несешь?! Это просто за гранью понимания! — Глядя на упрямую дочь, старик почувствовал, как давление в голове подскочило до критической отметки.

— Это я за гранью? Папа! Ты забыл, как этот ублюдок Линь Цзяньхай предал меня тогда?!

— У него, безусловно, есть грехи, которые нельзя простить, но неужели в вашем браке ты сама была абсолютно права? — Старик с разочарованием посмотрел на дочь. — Вы ведь сошлись только потому, что ты сама вцепилась в него мертвой хваткой. Ты изводила его, рыдала, а когда он отказался на тебе жениться — побежала на эстакаду и грозила покончить с собой. Неужели ты всё это забыла?

К сожалению, чувства, добытые угрозами, не могли быть долговечными. Семейная жизнь превратилась в бесконечный скандал. И в итоге эта романтическая история, начавшаяся со спасения красавицы героем, завершилась самым постыдным образом.

— Ты с детства была своенравной, но я думал — это просто характер. Я и представить не мог, что с годами твое упрямство превратится в одержимость. Ты вымещала неудачу брака и ненависть к Линь Цзяньхаю на ни в чем не повинном ребенке, а потом на каждом углу кричала, как сильно его любишь... — Старик с покрасневшими глазами сорвался на крик: — Ты почти довела сына до могилы! По-моему, ты вообще не достойна называться матерью!

«Не достойна?! Я?!»

Го Пинпин, словно от удара током, истошно закричала. Впав в неистовство, она принялась крушить всё, что попадалось под руку. Чжэн Хуа, подслушивавший за дверью, понял, что дело плохо, и бросился в комнату, чтобы удержать жену.

Но Го Пинпин, пребывая в состоянии полного безумия, окончательно потеряла рассудок. В суматохе она с искаженным лицом схватила тяжелую стеклянную пепельницу и с силой швырнула её об пол. От мощного удара бесчисленные осколки взлетели вверх, и несколько из них попали Чжэн Хуа прямо в лицо.

Раздался крик боли, и в следующее мгновение кровь хлынула ручьем.

— Безумная! Сумасшедшая! — закричал старик. — Чего застыла?! Быстро в больницу!

К счастью, врач сообщил им: осколки раскололи веко и бровь, но само глазное яблоко не пострадало.

— Это просто несчастный случай, я же говорил — всё будет хорошо! — Чжэн Хуа сам взял жену за руки, стараясь успокоить её своей безграничной добротой.

Го Пинпин долго смотрела на него, затем внезапно отвернулась, закрыла рот руками и горько

разрыдалась.

О проблемах семьи Го Синчэня Линь Сань не знал, да и если бы знал — вряд ли бы принял близко к сердцу. В конце месяца вернулись Ван Яо и Цинь Чжи.

Оба мальчика выглядели бодро, особенно Ван Яо — былая зажатость исчезла, он прямо-таки светился энергией. Увидев отца и сестру, Ван Яо был на седьмом небе от счастья.

Встретив Го Синчэня, он немного удивился, но вскоре Линь Сань по секрету рассказал ему о «болезни» брата. Ван Яо был добрым мальчиком, он всё понял и проникся сочувствием. Решив, что как старший брат он обязан заботиться о Синчэне, он сразу окружил его вниманием. Линь Сань, довольный тем, что дети ладят, закатил в тот вечер пир, отведя всю компанию в новый роскошный ресторан морепродуктов.

— Тут так дорого! На что мы будем жить в следующем месяце? — Ван Яо помрачнел, глядя на вызывающе золоченый интерьер и цены на лобстеров и икру в меню.

— Не волнуйся, я ем здесь бесплатно, — Линь Сань сообщил сыну, что у него есть доля в этом заведении. Ван Яо был потрясен: «Папа ведь пейджеры продавал? Когда он успел переключиться на морепродукты?!»

— В общем, ешьте смело. Заказывайте что хотите! — Линь Сань широким жестом подозвал официанта. На столе появились сашими из гуидака и лосося, нежные улитки, пьяная рыба в винном осадке, мраморная говядина с перцем, креветки с черной икрой и крабовые блинчики. Дети сначала стеснялись, но под бодрые шутки Линь Саня быстро расслабились и с удовольствием уничтожили роскошный ужин.

Время шло, лето незаметно подошло к концу. Возможно, благодаря лекарствам, смене обстановки, утренним пробежкам или просто наличию щенка, но психическое состояние Го Синчэня стабилизировалось.

Линь Сань сказал ему: «Хочешь улыбаться — улыбайся, не хочешь — не надо. Те, кому ты дорог, полюбят тебя любым, а те, кто не любит... ты тоже имеешь право их не любить. Главное — чтобы тебе самому было легко и спокойно».

Го Синчэнь после этих слов надолго задумался, а днем пошел в парикмахерскую и постригся «под ежика». На следующий день Линь Саню позвонил классный руководитель:

— У вас дома что-то случилось? Ребенок стал совсем другим, — в голосе учителя Лю слышались и сомнение, и предостережение.

Суть была такова: Синчэнь — лучший ученик класса с огромным будущим, и родителям стоит взять голову в руки. Если оценки упадут — «я вам этого не прощу!!».

Педагоги той эпохи были суровы и властны! Получив нагоняй ни за что, Линь Сань обиделся и вызвал сына на допрос. Тот ответил:

— Просто прическа. Захотел и постригся. Как ты и говорил — главное, что мне нравится.

«Тебе-то нравится. А мне — нет», — вздохнул Линь Сань, чувствуя себя абсолютно невинной жертвой обстоятельств.

Хуже звонка от учителя мог быть только звонок от режиссера с пучком. Да! Того самого Нин И, который бредил искусством и явно имел «пунктик» в голове.

— Что ты сказал? — лицо Линь Саня осталось бесстрастным, но в глазах зажегся огонек.

— Да, к сожалению. Фильм снят, но из-за специфики темы его не пустили в широкий прокат внутри страны.

Линь Сань про себя: «Этого и следовало ожидать, но боже — КАК ЖЕ ЭТО КРУТО!!!!!!!» Подавив внутреннее ликование, Линь Сань нацепил маску разочарования и уже собрался дежурно посетовать, как режиссер радостно сменил тон: — Поэтому я проявил дальновидность и решил выпустить его за рубежом. И мы уже успешно прошли отбор на кинофестиваль „Золотой дуб“ в Стране Утопий!

— Мастер, мастер! Вы ведь тоже рады, правда?

«Золотой дуб» Страны Утопий, «Золотой человечек» Страны Орлов и «Золотой тигр» Страны Гансов считались тремя главными наградами мирового кино.

«Рад? Да я сейчас сознание потеряю! Это что же, позориться на весь мир?» — Линь Саню стало не по себе.

— Мастер, мастер! — голос режиссера Нина в трубке становился всё восторженнее. — Вы обязательно должны поехать на фестиваль вместе со мной!

Линь Сань про себя усмехнулся: «Даже не надейся». Однако, несмотря на его резкий отказ, режиссер не сдавался. Он заявил, что билеты, проживание и даже гардероб — всё за счет студии. Линь Саня приглашают просто развеяться и посмотреть мир, шанс-то редкий! А главное:

— Я понимаю ваши опасения. Вашу личность мы не раскроем.

«Ну, если так ставить вопрос...» Воля Линь Саня, и без того не самая крепкая, дрогнула. Международный кинофестиваль, звезды, красные дорожки... Как он и сказал — шанс действительно редкий!

— Я... подумаю.

Сказал «подумаю», но в итоге, конечно, согласился. В конце концов, «халява» была слишком заманчивой.

Поездка за границу должна была занять всего неделю. Раздав ценные указания детям, Линь Сань собрал рюкзак и в приподнятом настроении отправился в путь. Черт возьми! За всё это время в роли «папочки» он почти забыл, что когда-то был свободным и бесшабашным мужчиной.

Солнце, пляж, бикини, длинноногие блондинки... Страна Утопий, я иду!!!!

В это же время в Оак-тауне (Дубовом городке) приземлился частный самолет. Из него вышел мужчина, чей аристократизм подчеркивала застегнутая на все пуговицы сорочка (даже в самую жару). Правда, его величественный образ слегка портил младенец на руках, который заливался горькими слезами. Совсем крошечный малыш, но удивительно красивый.

— Босс, — вызвалась секретарша Нэнси. — Кажется, Тунь-туню неудобно у вас на руках. Хотите, я попробую?

Мужчина остановился и с холодным безразличием сделал жест «прошу». Глаза Нэнси загорелись, она протянула руки, но не успела коснуться и волоска, как плач младенца перешел на новый уровень: из «хныкающего монстрика» он превратился в «ревущего монстра». Пухлое личико уткнулось в грудь «матери», малыш покраснел от крика — зрелище было душераздирающим.

Нэнси мгновенно отступила с неловкой улыбкой. «Эх, ну почему ты не даешься тете? Тетя же тебя так любит...»

<http://bllate.org/book/16514/1502549>